

ПОСЛЕДНИЙ МАРАФОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МИЛЛИ МЕЙСОН

18+

Милли Мейсон

Последний марафон

<https://litres.ru/74656592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Брук Картер проснулась спустя месяц после конца света. Последнее и единственное, что она помнит — это крики боли бегунов марафона и голос любимого, который подбадривал ее на протяжении всего забега.

Теперь мир принадлежит мертвецам. Города разрушены, выжившие готовы убивать друг друга за убежище или банку консервов, а каждый новый день превращается в гонку со смертью.

Почему бывший военный медик Джордан Рид рисковал жизнью ради незнакомой девушки? Что произошло с тем самым месяцем, который исчез из ее памяти? И сможет ли сердце отпустить прошлое, если оно однажды вернется?

Некоторые марафоны невозможно выиграть, — только пережить, либо умереть от укуса зараженного.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Милли Мейсон

Последний марафон

Пролог

Беру парня за руку и ускоряемся последние метры до финишной черты. Весом разрываем клетчатую ленту и люди вокруг встречают первых финишеров — нас.

Вокруг раздаются крики и завывания болельщиков, репортер уже направляется в нашу сторону, удерживая микрофон, который кажется выглядит больше, чем его голова. Второй человек едва тянет за собой аппаратуру, поправляя множественные шнуры, ответвляющиеся к фургону спортивного телеканала.

Он хочет задать нам пару вопросов, но в первую очередь решаю разделить эту радость с любимым человеком:

— Эндрю, мы справились! — кричу и вешаюсь ему на шею. — Мы первые!

— Мы в прямом эфире, — пытается прервать нас репортер, но эмоции на пределе.

Эндрю крепко обхватывает меня двумя руками и поднимает в воздух, кружа на месте.

Не могу сдержать радостного смеха.

— Все благодаря тебе, милая, — отвечает он и ставит ме-

ня на место. — Что теперь? Давай уже ответим репортеру или он сойдет с ума, — шепчет, наклонившись вплотную.

Крики вокруг стихают, сменяясь завыванием ветра и музыка замедляется, словно на сломанном плеере.

Тело сковывает от страха.

— В чем дело?

Эндрю замирает и приходится отстранить его за плечи, чтобы взглянуть на жуткое выражение лица. Сначала — замечаю помутневшие белки, наполняющиеся темными линиями, будто старый потрескавшийся фарфор. Эндрю касается полоски моей кожи между топом и шортами, руки кажутся настолько ледяными, что пробивает на дрожь.

— Эндрю?! — взвизгиваю, когда вижу в его шее зияющую дыру, через которую видно трахею. — Ч-что...

По светлой спортивной футболке расплзается багровое пятно. Он впивается в мои запястья с такой силой, что становится больно.

— Это благодаря тебе, — хрипит он и глаза наливаются кровью. — Разве тебе не нравится, милая? Ты ведь так хотела поехать сегодня. Я ведь говорил тебе, что лучше пробежать в следующем году. Ты не помнишь?

Отрицательно мотаю головой, закрываю глаза, будто это поможет и пытаюсь вырвать руки. Но хватка становится лишь сильнее.

Мой рот открывается, но звук так и остается глубоко в горле. По подбородку Эндрю стекает тонкая струйка слюны,

смешанная с чем-то темным, липким.

Он выглядит безумно.

Воздух заполняет гнилостный запах разложения и крови, с примесью легкого аромата плесени.

Неизвестный подбегает ко мне со спины и подхватывает на руки. Пытаюсь сопротивляться, но все бесполезно. Свистаю на его крепких руках, словно тряпичная кукла, пока Эндрю бежит за нами, издавая звериное завывание и рычание.

Пытаюсь закричать, но голос затерялся в легких. Остался лишь хрип. Только слезы, застилающие глаза.

Кто-то крепко прижимает меня к груди, и чувствую запах мужского пота, пыли и металла.

Неизвестный что-то кричит Эндрю, но слова тонут в гуле криков, наполняющих шоссе. Люди встают с трибун, падают, бегут друг по другу, ломая кости. Репортеры снимают происходящее, но как видят бегущую на них толпу — пытаются убежать в сторону. Слишком поздно.

Последнее, что вижу перед тем, как все меркнет, — искаженное лицо Эндрю, стоящего посреди дороги. Он больше не бежит за нами. Просто стоит, опустив руки по швам и смотрит с широкой улыбкой на лице.

Кажется, что приложит чуть больше усилий и она треснет до самых ушей, а он расколется, будто старая фарфоровая кукла.

Мерцание мигающих люминесцентных ламп — вызывает

панику, становится трудно дышать. Резко сажусь в кровати, осматриваясь по сторонам и прижимая ладонь к груди.

Я не дома.

В больничной палате выбиты окна, по полу разбросаны разбитые ампулы с блистерами от лекарств. В рецепторы ударяет резкий гниения, будто где-то рядом умерло животное или целое стадо скота.

Утренний воздух, пробивающийся через рамы слегка морозит щеки и нос, заставляя поежиться под одеялом.

Пытаюсь вспомнить, как попала в комнату из фильмов ужасов, но в голове лишь воспоминание о последнем старте. Нога онемела, будто ее придавили бетонной плитой.

Скорее всего отлежала, потому что всегда сплю на одном боку.

За разбитыми стеклами — абсолютная тишина. Не слышно даже птиц или шума проезжающих машин.

Смотрю на руки и вижу отросший маникюр, который делала совсем недавно.

Странно. Ничего не понимаю.

Провожу ладонью по лицу: кожа холодная, словно лед. Под ногтями засохшая корка крови, на запястье — тонкая полоска, будто от браслета, которого у меня никогда не было.

Стоп.

А где Эндрю?

Мы с парнем на протяжении года готовились к марафону, который был, как кажется вчера. Строгий график, пита-

ние, наблюдение спортивными врачами, тестирования, четкий тренировочный цикл, массажи и прочее.

Пришлось уйти с работы и выживать на зарплату спортсмена, но если учесть, что у нас было бесплатное трехразовое питание и экипировка от спонсоров, — платить приходилось только за аренду квартиры.

Если так подумать, то жили мы неплохо. Кто-то может об этом только мечтать.

— Эй. Есть тут кто? — крик тонет в пустоте, возвращаясь ко мне призрачным эхом, отраженным от стен.

Пытаюсь подняться, но стоит перенести вес на правую ногу, как тело пронзает острая, невыносимая боль. Опускаю взгляд и замираю: нога зафиксирована в аппарате внешней фиксации.

— Вот же черт, — цежу сквозь стиснутые зубы. — Кто-нибудь помогите!

В груди нарастает тягучее беспокойство, заставляя разгнуться пульс настолько, что болит под ребрами.

«Я больше никогда не смогу бегать», — проносится в голове и я сдерживаю подступающие эмоции.

Мертвую тишину прорезал резкий лязг металла, заставивший подпрыгнуть на месте. Осматриваю помещение в поисках того, что могло пригодиться в качестве защиты. Это место не похоже на больницу — скорее на декорации к хоррору. Ни врачей, ни медсестер, лишь разбитые осколки, мусор и гнетущее ощущение ловушки.

Меня похитили. В этом не осталось сомнений.

Открываю ящик тумбочки — и дыхание перехватывает. Внутри лежит заточенный охотничий нож. Может быть какой-нибудь маньяк хочет сыграть со мной в смертельную игру? Не понимаю.

— Выходи, кто бы ты ни был! — тишина.

У меня нет врагов, никому не перехожу дорогу и каждое воскресенье хожу на церковные молитвы.

Чтобы что-то придумать с ногой — нужно добраться до комнаты медсестры и найти хоть какие-то медицинские инструменты, и обезбол был бы очень кстати. Могла бы посмотреть в интернете, как достать гигантские спицы, пронзающие ногу насквозь, но к сожалению похититель не упустил возможности прикарманить мобильный телефон себе.

Вот же засранец.

Делаю вдох. Второй. Третий.

Поднимаюсь на ноги и делаю шаг. Один. Два. Ноги подкашиваются и с глухим стуком ударяюсь головой о холодный кафель.

Во рту появляется привкус крови. Кажется, разбила губу. Тяну руку к лицу и последнее, что успеваю подумать: «Черт...» — а затем мир погружается в темноту.

— Уважаемые легкоатлеты и любители, мы рады приветствовать вас на нашем двадцать пятом юбилейном марафоне! — Раздается звук из динамиков вокруг сцены, установ-

ленной у старта. — Сегодня состоится старт забега от городка Стивенсон, штат Вашингтон и финишная прямая будет ожидать своих финишеров возле Каскейд Локс, штат Орегон. Общая дистанция составит: сорок два километра сто девяносто пять метров. Вы можете воспользоваться пунктами гидратации, которые установлены каждые пять километров вдоль шоссе, где вас будет ждать: вода или изотоник на выбор и медицинский пост при необходимости.

От его слов тело покрывает сотней мурашек и становится жарко. Адреналин заставляет желудок завязаться в тугий узел.

Веселая музыка наполняет всю улицу, заставляя болельщиков подпрыгивать в такт. Если бы не недовольное ворчание желудка, то присоединилась к ним, но кажется, что сегодня не тот настрой.

Это последний старт в спортивной карьере и для меня важно оказаться в числе победителей. Чувствую нежное прикосновение к руке и поворачиваю голову в сторону.

— Милая, посмотри на меня, — Эндрю приковывает мой взгляд, успокаивая. — Ты справишься. Мы столько готовились.

Подтягиваю пятку к ягодице, растягивая верхнюю поверхность бедра.

— Знаю. Но сколько бы я не готовилась — стресс перед каждым стартом никогда меня не покидает, — проверяю хорошо ли закреплены булавки у нагрудного номера.

Эндрю кивает и ободряюще хлопает меня по ягодице, как делает перед каждым соревнованием. Это уже вошло в традицию. Мужчина справа подозрительно смотрит на нас не отрывая взгляда. Кажется, что его глаза темнее, чем могут быть у обычного человека, но скорее всего это — предстартовый мандраж.

Замираем в стартовой стойке, когда слышим обратный отсчет ведущего.

— Десять. Девять...

Делаю глубокие вдохи и медленные выдохи, чтобы подготовить легкие. Осматриваюсь по сторонам для выбора правильной позиции.

Опускаю взгляд на свои руки — тонкие пальцы, стертые ладони, привыкшие к ежедневным тренировкам, — и понимаю, что это последний раз, когда стою на стартовой линии. Врачи сказали, что после этого сезона высок риск снова лечь под нож и лишиться возможности иметь детей. Эндрю знает об этом, но мы договорились не поднимать эту тему сегодня.

— Два. Один...

Хлопок.

Звук выстрела оглушающе прорезал воздух и мы постепенно двинулись вперед. Посматриваю на Эндрю, чтобы не потеряться в толпе и уже вижу первых споткнувшихся участников, которые вероятнее всего получили серьезную травму.

Да это настоящий замес. Не стоило бежать толпой в середине.

Всегда выбираю позицию справа вначале забега, потому что все пытаются привычно урезать радиус. Но что урезать, когда мы бежим по прямому шоссе — непонятно.

Кто-то подбегает сзади и касается плеча, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Извините, у вас не будет воды? — задыхаясь спрашивает женщина. — Еще раз простите за мою дерзость. У меня очень кружится голова.

Обращаю внимание на ее потемневшую кожу. Она едва не приобрела зеленый оттенок.

— К сожалению нет. Вам придется потерпеть до ближайшего пункта, — всматриваюсь в мутные зрачки. — Берегите себя.

По часам с установленным gps вижу, что мы уже преодолели первый километр, но усталости не ощущаю. Наоборот, с каждым новым шагом — разбегаюсь и чувствую прилив сил.

— После финиша ты наконец выберешь дату свадьбы? — Выкрикивает Эндрю из толпы.

— Ты такой дурачок, — смеюсь. — Да!

— Ура! — Он вскидывает руку вверх. — Люблю тебя, милая!

— И я тебя!

Солнце только поднимается, потому что старт дали ровно в семь утра. Хорошо, что я не забыла очки.

Утро выдалось на удивление прохладным. Дымка стелется над шоссе, и в ней растворяются множественные силуэты бегунов впереди. Смотрю на их спины — сотни, нет, тысячи, — и на секунду чувствую себя песчинкой в этом потоке. Но это не пугает, а наоборот, успокаивает.

Мы все здесь ради одной цели.

Справа мелькает желтая табличка с надписью «Медицинский пункт — 1 миля», и машинально отмечаю ее взглядом.

Мало ли что.

«Господи, Боже, дай мне сил преодолеть этот марафон и быть в числе лучших», — думаю я и замечаю, как споткнувшуюся женщину поднимают под руки. Я не смогла ей ничем помочь, потому что действительно не брала с собой воду, чтобы не тащить лишний груз. Эндрю даже надел специальный костюм, чтобы не отвлекаться на туалет из-за своего слабого мочевого.

Кажется, я никогда не решусь на такое и лучше десять раз схожу перед стартом, чем буду мочиться прямо в костюм.

Вокруг можно заметить болельщиков, подбадривающих членов своих семей или друзей. Волонтеры машут флагами, и держат баннеры с призывами заниматься спортом и участвовать в международном марафоне.

Размеренно выбегаем за черту города и он остается позади. Нас встречает дорога, идущая вдоль леса. Редкие фермы и тишина, прорезаемая только шагами и тяжелым дыханием тысячи спортсменов.

На пятом километре приближаемся к белым палаткам, где нас уже ожидают волонтеры с водой.

— Эй. Давай попьем, — кричу Эндрю.

Он подбегает ко мне, целует в макушку и хватает стакан с водой, продолжая бежать.

Ну спасибо. Мог бы и меня дожидаться.

— Изотоник, пожалуйста, — говорю волонтеру и на бегу беру стаканчик из ее рук.

Парень бегущий слева пошатывается и начинает заваливаться в сторону. Пытаюсь его поймать, чтобы он не ударился головой и ровно в этот момент — тело падающего начинает биться в конвульсиях.

— Врача! Человеку плохо, — зову на помощь и уже вижу бегущих людей в белых халатах.

Его веки плотно закрыты и на долю секунды кажется, будто под ними что-то движется, и это явно не глазные яблоки. Тонкое, длинное, извивающееся, как глисты. Встряхиваю головой, чтобы избавиться от этого наваждения и медленно отпускаю парня, передавая в руки медсестры.

Нельзя останавливаться. Нужно бежать дальше иначе потеряю не только призовое место, но и Эндрю.

Бегуны передо мной нервно переглядываются и оборачиваются назад. Когда интерес берет верх — решаю посмотреть в чем дело: сзади у пункта гидратации лежат около десяти человек и у каждого поголовно приступ эпилепсии.

Раздаются крики паники.

На соревнования допускают только с медицинской справкой, поэтому не могу поверить, чтобы эпилептиков допустили до забега. Это просто невозможно. К тому же, чтобы сразу столько человек... да еще и упали в одном месте.

— Ну где ты там потерялась?! — рывкает Эндрю и я спотыкаюсь от неожиданности.

Ускоряю темп, чтобы догнать парня.

Больше не думаю о призовом месте. Я думаю лишь о том, чтобы догнать Эндрю. Потому что если я его потеряю — лишусь всего.

Он даже не обратил внимания на то, что происходит. Может быть просто я обычно невнимательна и такое происходит не впервые. Или это случилось из-за сильного обезвоживания? Нет. Навряд ли оно случится на первых пяти километрах и кажется, у пары человек шла пена изо рта.

Может в воде была какая-то инфекция? Теперь не знаю, как буду пить на пунктах без страха за свою жизнь, но без жидкости — добежать точно не получится.

Оглядываюсь назад: палатки с водой остались далеко позади, но крики все еще слышны. Они не стихают, а наоборот, становятся громче, — кто-то зовет на помощь, плачет.

А кто-то...издает звуки, которые не должен издавать человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.